

Правда о Е.П.Блаватской¹

I

Людам, следящим за периодическими изданиями, приходилось не раз встречать на столбцах газет имя Елены Петровны Блаватской. Если то были иностранные газеты – благо ей! Если же русские – чего, чего не взводилось ими на ее бедную голову!.. И не повторить всех клевет и всех нелепостей, которыми

Очерк публикуется по журналу: Ребус, 1883, №40–41, 16 октября – 23 октября; №43–44, 6 ноября – 13 ноября; №46–48, 27 ноября – 11 декабря, подписан «И.Я.».

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Елена Петровна в дни своей молодости была одним из сильных медиумов, которых, к сожалению, в России очень мало. В настоящее время г-жа Блаватская, живя в Индии, издает и редактирует журнал «Теософист» и вместе с тем состоит секретарем «Общества теософистов». Письма ее «Из пещер и дебрей Индостана» помещаются в «Моск[овских] ведом[остях]» и «Русск[ом] вест[нике]» под псевдонимом Рад[д]а-Бай. – *Примечание редакции журнала «Ребус».*

О медиумизме Е.П.Блаватской более точно и определенно пишет Е.И.Рерих: «Ведь и Е.П.Бл[аватская] была сильнейшим медиумом, но с помощью В[еликого] Вл[адыки] она превозмогла в себе эту опасность и стала тем, что мы называем медиатором. Но все же даже ей пришлось бороться с возвратами медиумизма. Но поручение ее было настолько велико и трудно, что Вел[ико]му Уч[ителю] пришлось избрать для этого особый медиумистичный организм, который облегчил бы ей миссию ее и в то же время позволил бы находиться в окружении людей без страшной опасности огненного пожара и мучительной смерти. Почти никто не представляет себе той опасности и тягости, которые испытываются человеком с открытыми центрами среди дисгармонического окружения» (*Рерих Е.И. Письма. Том VII (1940–1947 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2007. С. 356–357*);

«Конечно, В[еликие] Уч[ителя] пользовались центрами Блав[атской], чтобы протолкнуть новое знание. Она иногда говорила под воздействием нескольких Учителей и в разном напряжении их Лучей. Блаватская была совершенно исключительным медиумом, ставшим медиатором под воздействием В[ладыки]. Пользуясь ее центрами, для вьщей убедительности Они набрасывали Майю Облика говорившего через нее Учителя. <...>

Простые медиумы открыты для пользования их телами развоплощенными духами, часто очень низкого развития и даже преступным элементом среди них, и в этом страшная опасность медиумизма. Но Блав[атская] находилась под Лучами В[еликого] В[ладыки] и не могла, конечно, оявиться ни с кем другим. Е.П.Б[лаватская] была духом исключительно мощным и высоким, принявшим медиумистическое тело для лучшего подхода к людям, и стала жертвой невежества окружавших ее людей. Ярые убили ее своим недоверием и преследованиями и не дали ей закончить ее миссию» (*Рерих Е.И. Письма. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 336–337*).

В.П.Желиховская писала: «Она [Е.П.Блаватская] утверждает и теперь, что влияла на нее тогда, как и ныне, совсем другая сила, – та, которой пользуются индийские мудрецы, Радж-Йоги. Что даже тени, которые она видала всю свою жизнь, были не приведения или призраки отшедших, а явления этих всемогущих друзей ее в их астральной оболочке» (*Желиховская В.П. Необъяснимое и необъясненное // Ребус, 1885, №4. С. 41*). Это свидетельствовала и сама Е.П.Блаватская: «...Даже еще в 1860 и 1864 годах я всегда утверждала, что мною движет и помогает мне не сила духов, а мои Учителя и их челы» (*Блаватская Е.П. Письма А.П.Синнетту. М., 1997. С. 308*); «Но я – не медиум. Я лишена их специфических недостатков и никогда не была под жестким контролем, под какой *попадают эти люди*» (*Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. М., 2002. С. 79*).

«Когда ее называли “медиумом”, – говорила В.П.Желиховская, – Блаватская смеялась и говорила, что она не медиум, а только медиатор – посредник между умершими и живыми...» (*Нэф М.К. Личные мемуары Е.П.Блаватской. М., 2009. С. 160*).

«...Медиаторы – те же медиумы, но они отличаются большими накоплениями психических способностей на протяжении прошлых жизней» (*Рерих Е.И. Письма. Том VIII (1948–1950 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2008. С. 306*); «Он [медиатор] становится очищенным от всех астральных вторжений и *открыт только для вибраций высших*» (*Рерих Е.И. Письма. Том IX (1951–1955 гг.). – М.: Международный Центр Рерихов, 2009. С. 150*).

«Медиумизм измеряется качеством ауры, которою личность окружена. Она может быть плотной, облачной, зловонно тошнотворной и ядовитой для чистого духа и может привлекать только тех гадких существ, которые в ней чувствуют себя прекрасно, как угорь чувствует себя прекрасно в мутных водах; или же она может быть чистой, хрустальной, прозрачной, опаловой, как утренняя заря. Все зависит от нравственности медиума.

Вокруг таких людей, как Аполлоний, Яввлих, Плотин и Порфирий собирался этот небесный нимб. Он был выработан силою их собственных душ в тесном согласии с их духом, сверхчеловеческою нравственностью и святостью их жизней; он был подкреплен частыми внутренними экстатическими созерцаниями. К таким святым людям чистые духовные влияния могли приближаться. Излучая кругом атмосферу божественной благодати, они обращали в бегство злых духов. Те не только не могут существовать в их ауре, но даже не могут оставаться в ауре одержимых, если тауматург применяет свою волю или даже только приближается к ним. Это есть **медиаторство**, а не *медиумизм*. Такие люди являются храмами Бога Живого; но если этот храм оскверняется допущением в него злой страсти, мысли или желания, то медиатор впадает в сферу колдовства. Дверь открыта; чистые духи уходят, и врываются порочные. Это все еще медиаторство, хотя и медиаторство зла; колдун, подобно светлому магу, формирует свою собственную ауру и подчиняет своей воле близких ему по духу низших духов» (*Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. М., 2011. Т. 1. С. 657–658*).

осыпают ее соотечественники. Начиная от обманов, шарлатанства и до уголовных преступлений включительно. Мы Е[лену] П[етровну] знаем хорошо: были близко знакомы с нею с раннего детства ее и до зрелых лет. Мы давно искали возможности представить интересующимся этой личностью «из ряда вон» несколько беглых очерков о ней. Поверят нашему правдивому слову или нет – мы не заботимся, довольные сознанием, что выскажем правду – единственную, кажется, правду, сказанную о ней в России.

О частной жизни ее мы говорить не будем: посторонним лицам трудно судить интимную жизнь человека, даже близко известного; да оно и к делу не относится. Скажем только, что она с самых ранних лет не была заурядной девочкой: очень живая, способная, остроумная и смелая, она и в детстве поражала своими самобытными, решительными поступками². Так и в ранней молодости она очень решительно и своевольно поступила с собою, неожиданно покинув отечество без ведома родных и мужа своего³, который, к его и ее несчастью, был втрое старше ее.

Она уехала и десять лет провела в чужих краях, в непрерывных поездках по Европе, Азии и Америке; в продолжение нескольких лет воздерживалась даже от переписки с родными из-за желания окончательно исчезнуть от поисков мужа. Только года через четыре начали доходить до родственников ее слухи чрез общих знакомых: ее встречали в Константинополе, в Париже, в Испании. В Лондоне, приобретя известность своим музыкальным талантом, она была членом филармонического общества. Там же она имела с неким лордом громкий процесс, наделавший в свое время немало шума в английской прессе. Несмотря на свою экспортацию⁴, Е[лена] П[етровна] всегда была и есть горячая русская патриотка. Задержанная контрактом в Лондоне, во время Крымской войны⁵, она много страдала за Россию и всегда высказывала открыто свой патриотизм. Люди честные и порядочные уважали в ней это чувство; но если в семье не без уродов, то тем более – в целом народе.

Во время одного из представлений в театральном фойе Дрюри-Лена⁶ зашла речь о русских делах и русских людях в таком тоне, которого ни один истинно русский не смог бы вынести. Один тучный лорд (разумеется, из тех, что не нюхали пороха в Севастополе) кричал и ругался – буквально *ругался* громче всех. Е[лена] П[етровна] встала и заявила ему, что она русская и во имя своей национальности просит его замолчать. Лорд отвечал дерзостью. Е[лена] П[етровна] обратилась к своим соседям-англичанам, прося их вступить за ее права как русской женщины и гостьи в Англии. Несколько голосов поднялось за нее, другие – против. Последние осилили и, подстрекаемый ими, обозленный лорд заговорил еще резче и громче. Тогда Блаватская еще раз, вся бледная от негодования, громко заявила, что он делает подлость, ругаясь издали над врагами, которых не знает, а потому и судить не может о их храбрости и достоинствах; что если никто не заставит его замолчать, то она сумеет сама вступить за своих и не позволит ему продолжать клеветать на русских.

«Каким способом? – глумясь, спросил англичанин. – Неужели ваши аргументы сильнее оружия сотен тысяч ваших русских войск?... Интересно бы было познакомиться с ними...»

«А я вам не советую этого – ради собственной вашей безопасности... Я сама не знаю как, но повторяю: замолчите или я вас заставлю замолчать!»

Тучный лорд расхохотался.

«В таком случае, – сказал он, – я засвидетельствую, что русские женщины храбрее русских солдат, которые, не рассуждая, всюду бегут от наших войск...»

Он не успел закончить: тяжелый канделябр со всеми свечами просвистев в воздухе, ударился прямо в голову оскорбителя... Лорд упал, обливаясь кровью.

Суматоха поднялась невообразимая. Его вынесли замертво, началось судебное дело. К чести англичан, надо сказать, что судьи, приняв во внимание все обстоятельства дела, были на стороне женщины, оскорбленной в самых законных и священных ее чувствах. Блаватскую, как бы в насмешку над лордом-богачом, приговорили *заплатить ему за обиду... пять фунтов стерлингов!*.. Е[лена] П[етровна] при этом не воздержалась от фарса: она публично, на суде, подала *десять фунтов: «Вперед»*... за

² См. повести В.П.Желиховской «Как я была маленькой» (1891) и «Мое отрочество» (1893).

³ Блаватский Никифор Васильевич (ок. 1807–?) – статский советник, Эриванский вице-губернатор (1849–1860), в 1860–1864 гг. был причислен к главному управлению Кавказского наместника, в 1864 г. вышел на пенсию; 7 июля 1849 г. сочетался с Е.П.Блаватской.

⁴ Экспортация (*англ.* exportation) – в данном случае, отъезд за границу.

⁵ Крымская война 1853–1856 гг.

⁶ Дрюри-Лейн (*англ.* Drury Lane) – старейший из непрерывно действующих театров Великобритании.

могущую произойти между ними вторичную встречу, весело пояснила она искренно расхохотавшейся публике⁷.

Впоследствии, когда Е[лена] П[етровна], соскучившись по родине и убедившись, что ей нечего бояться преследований мужа, решила ходатайствовать о возвращении в Россию, история эта много способствовала прощению ее за десятилетнюю отлучку и беспаспортный⁸ отъезд в чужие края.

Но еще прежде ее возвращения она познакомилась близко с кружком адептов только что проявившегося спиритизма; дружески сошлась с медиумом Юмом⁹ и его женой и совершила вместе с ними замечательное путешествие в Америку¹⁰, во время которого у нее самой проявилась большая медиумическая сила, обратившая на нее внимание даже американских спиритов, среди которых она вращалась.

Сила эта проявилась в непрерывных стуках, раздававшихся вокруг нее почти постоянно (*esprits frappeurs*¹¹), в передвижении предметов, в увеличении и уменьшении веса их, в способности ее видеть самой, а иногда и давать возможность видеть другим, в ее присутствии, людей, давно живших в тех местах, где она находилась, а равно и известных личностей, умерших в разное время.

Зная множество поразительных фактов из ее медиумической практики как в России, так и за границу, мы укажем лишь на те только, свидетелями которых были сами.

Возвращение Е[лены] П[етровны] в Россию состоялось зимою 1858–1859 г. Ранняя молодость ее прошла на Кавказе, откуда она и уехала за границу. Возвратилась же она на северо-запад – в Псковскую губернию к недавно овдовевшей сестре своей, тамошней помещице. Ее ждали не ранее весны, но раз задавшись мыслью вернуться на родину, Е[лена] П[етровна] уже не могла ждать: она, не предупредив сестры, приехала совершенно неожиданно в глубокую зимнюю ночь и попала прямо на свадебный пир. Сестра ее временно жила у родных своего мужа Я[хонто]вых¹², и в этот вечер невестка ее выходила замуж. Мы сидели за ужином. В сенях беспрестанно раздавались звонки людей, приехавших с экипажами гостей. В ту минуту, когда шафера провозгласили здоровье молодых, раздался звонок Блаватской, и сестра ее, повинаясь *неизвестному* ей чувству, несмотря на эту торжественную минуту, вскочила из-за стола и побежала сама отворить двери в полном убеждении, что приехала сестра.

С той же самой ночи все живущие в квартире заметили странные звуки, сухие и резкие, раздававшиеся во всех предметах, окружавших приезжую: в стенах, в полу, в шкапе¹³, в стеклах окон, в подушках, в зеркале, в колпаке часов и во всех мелочах, стоявших в комнате. Как не отшучивалась Елена Петровна, но скрыть суть и значение этих звуков было невозможно. Настойчивые расспросы сестры привели ее к сознанию, что проявления эти сопутствуют ей без ее воли и желания, то усиливаясь, то ослабевая, а порой и совсем прекращаясь. Разумеется, псковитяне, как и весь мир, знали все, что было писано о спиритизме и различных его проявлениях. Юм, в то время посетив Петербург¹⁴, произвел огромный фурор, но, конечно, в Пскове не побывал, и жители его никогда не слыхивали стуков *esprits*

⁷ Информация о столкновении Е.П.Блаватской с английским лордом была перепечатана из журнала «Ребус» (1883, №40, 16 октября) газетой «Новое время» (1883, №2745, 19 октября, раздел «Из газет и журналов») и газетой «Кавказ» (1883, №241, 27 октября, раздел «Обзор печати»), которая, комментируя данное происшествие, скептически отнеслась к происшествию с Блаватской и язвительно назвала ее «геройски-патриотическою» соотечественницею, совершившей «геройски-патриотический подвиг» во время крымской кампании».

⁸ беспаспортный (*устар.*).

⁹ Юм Дэниэл Дуглас (1833–1886) – шотландский медиум.

¹⁰ На это утверждение Е.П.Блаватская прислала редактору и издателю журнала «Ребус» В.И.Прибыткову (1840–1910) следующее опровержение: «...Хотя я видала медиума Юма, но никогда не была с ним знакома, следовательно, и не могла в его обществе совершить путешествие в Америку, как сказано в №40 вашего журнала, в статье “Правда о Е.П.Блаватской”. Вы, м[илостивый] г[осударь], сделаете мне большое одолжение, если опровергнете это, сказав вашим читателям, что это ошибка. Ездил я в Америку с мистером Юлем (Yule) и его женою. М-г Юль, кажется, много уже лет как умер. Имя его, хотя и неизвестно, но он был сильным медиумом. Индия, Мадрас, 25 ноября 1883 г.» (Ребус, 1883, №49, 18 декабря. С. 447).

Также Е.П.Блаватская писала А.Н.Аксакову 5 декабря 1883 г.: «И что она [В.П.Желиховская] наврала о Юме! Когда же я ездила в Америку с *ним и женой*? С Юлем (Mr. Yule) и Юльшей ездила, т.е. познакомилась на пароходе с этими квакерами. А Юма я никогда не видала и в глаза. Отродясь с ним не говорила, и он меня никогда не видал. Его первую жену видала еще девушкой в Париже, вот и всё. Прошу вас, настойте, чтобы В.А.Прибытков поправил ошибку. Пусть так и напишет, что я и ногами, и руками открещиваюсь от чести» (РО ИРЛИ, ф. 2).

¹¹ стучащие духи (*фр.*).

¹² Яхонтов Николай Николаевич (1827–1858) – муж В.П.Желиховской, псковский помещик, брат Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890), поэта и общественного деятеля.

¹³ шкафе (*устар.*).

¹⁴ В 1858 г.

frappeurs. С приездом г-жи Блаватской весть об окружавших ее чудесах разлетелась быстро и всполошила весь город. А чудеса действительно были чудесные, не оставлявшие ни малейшего сомнения в своей необычайной подлинности...

Дело в том, что стук был не просто неосмысленный стук, а нечто одаренное понятием и разумом; мало этого: *нечто*, имевшее дар узнавать невысказанные мысли, нечто, свободно проникавшее в сокровеннейшее каждого человека и свободно разоблачавшее все его прошлые дела и настоящие помышления.

Я[хонто]вы, родственники сестры Ел[ены] Петр[овны], жили вообще довольно открыто; ее присутствие привлекало к ним множество посетителей, из которых ни один не остался не удовлетворенным по части столоверчения и столописания или, правильнее, *стукописания*, потому что ответы давались посредством стука, раздававшегося, при произнесении азбуки, на известной букве, и таким образом составлялись целые речи на всевозможных языках, даже совершенно не известных медиуму. Бедный медиум подвергался всевозможным искусам и подчинялся очень добродушно самым нелепым требованиям в доказательство своей непричастности [к] происходившим явлениям. Обыкновенно она сидела себе спокойно за какой-нибудь ручной работой в кресле или на диване, по-видимому, не принимая ни малейшего участия в суете, происходившей вокруг нее; а кругом кипела работа. Кто-нибудь говорил громко азбуку; другой записывал буквы; третьи спешили задавать мысленные вопросы, заботясь лишь о том, чтоб не перепутать очередей. Случалось, однако, очень часто, что незримые деятели отдавали преимущество некоторым: разговаривали долее, охотней и обстоятельней с одними, а другим совсем не желали отвечать. Бывало и так, что спрашивал один, а ответ получался на мысль другого, прямо назвав его по имени. В то же время кругом шли говор, споры, предположения. Высказывалось недоверие, порой вырывались насмешки, иногда даже весьма неделикатное сомнение в добросовестности медиума... Привычная к такого рода демонстрациям, Блаватская сносила их терпеливо, лишь иногда позволяя себе улыбку или пожатие плеч, когда ей в сотый или тысячный раз задавались вопросы весьма сомнительной логики:

– Да как вы *это* делаете? Да *что это* стучит?

Или:

– Как это *вы можете* угадывать мысли?.. Почему *вы* знали, что я подумал *об этом*?!

Сначала Е[лена] П[етровна] очень усердно разуверяла допрашивавших в своем участии в этих чудесах, объясняя им свою чисто страдательную роль, потом бросила и отделялась улыбками и молчанием. Когда же заявлялись прямые сомнения в ее честности, высказывались прямо глупейшие предположения, что это стучит *она сама*, что у нее в кармане такая *машинка* или что она *щелкает ногтями*; а в том случае, когда руки ее были заняты шитьем, то предполагали щелканье *пальцами ног*, – тогда Е[лена] П[етровна] беспрекословно подчинялась самым нелепым требованиям: ее обыскивали, ей связывали руки и ноги, а иногда укладывали ее на мягкий диван, снимали с нее башмаки, руки же и ноги клали на подушку, чтоб они были у всех на виду и требовали, чтоб *она сделала так*, чтоб стуки раздавались *подальше*, в других концах комнаты. Тогда она прямо заявляла, что это не в ее власти, что она попытается, но за успех ручаться не может. Однако почти всегда желание ее исполнялось, особенно вначале и в тех случаях, когда налицо были люди серьезно интересовавшиеся: стуки раздавались на потолке, в окнах, в мебели, стоявшей на противоположной¹⁵ стене... Но порой незримые деятели зло подшучивали над насмешниками. Одному юному учителю М. чуть не сбросили с носа очки, застучав в стекла так сильно, что он схватился за них и побледнел, как полотно. Одной даме *esprit fort*¹⁶, еще весьма занятой собою, на ее игриво-насмешливые вопросы о том, что составляет лучший проводник для их сообщений с людьми, они отвечали:

«Золото. Мы это сейчас тебе докажем...»

Дама сидела, слегка открыв губы в насмешливой улыбке. Едва записавший буквы прочел этот ответ, как она схватилась за рот, и все лицо ее исказилось испугом и изумлением!..

Все переглянулись. Все поняли, что дама почувствовала сотрясение в золотой пластинке своих фальшивых зубов, и когда она в ту же минуту встала и распрощалась, разразился гомерический смех над проделкой ее антагонистов.

Нет возможности передать подробно всего виденного и слышанного за время пребывания г-жи Блаватской в нашем кружке; можно только указать вообще на прямые и совершенно ясные ответы на

¹⁵ противоположной (*устар.*).

¹⁶ атеистке (*фр.*).

задуманные вопросы, на прописывание различных лекарств по-латыни, на разоблачаемые тайны, на рассказы незримых деятелей о себе и о том, кто они были при жизни и в каком состоянии ныне находятся. Все эти изумительные, необъяснимые проявления силы осмысленной и чуть не всеведущей произвели сенсацию в Пскове и, вероятно, еще многие о ней помнят. Истина требует заметить, что не всегда говорилось правда; напротив: очень часто передавались факты искаженные, как будто с умыслом лгали и смеялись над легковерием людей, склонных видеть в их рассказах непогрешимые пророчества. Тем не менее, факт проявления осмысленной силы, могущей узнать мысли и чувства человека, а также произвести стук и движение в вещах неодушевленных – оставался и остается *фактом*.

II

Вот два факта, совершившихся на глазах многих свидетелей во время недолгого пребывания Блаватской в Пскове.

Как почти всегда бывает – люди, самые близкие к Е[лене] П[етровне], в то же время были и самыми закоренелыми скептиками относительно ее медиумических способностей. Брат ее Леонид¹⁷ и отец, Петр Алексеевич Ган¹⁸, долго крепились против очевидности; наконец, скептицизм первого поколебался следующим случаем. В гостиной Я[хонто]вых было много гостей; занимались немножко музыкой, немножко картами, но больше всего спиритизмом. Леонид Ган¹⁹ не принимал ни в чем прямого участия, а ходил и наблюдал за всем. Это был сильный, коренастый юноша, пропитанный латинской и германской премудростью Дерптского университета. Он остановился за спиной сестры и слушал ее рассказы о том, как в присутствии медиума Юма некоторые легкие предметы делались настолько тяжелыми, что их невозможно было оторвать от пола, а другие, несравненно более тяжелые, напротив, становились необычайно легкими.

– И ты можешь это сделать? – иронически спросил молодой человек у своей сестры.

– Иногда делала, но за удачу ручаться не могу, – хладнокровно ответила Блаватская.

– А попробовать можно? – спросил кто-то, и все наперерыв стали просить ее.

– Извольте, я попробую; но прошу помнить, что моя сила не равна юмовской и что я ничего не обещаю. Я буду смотреть на этот шахматный столик... Кто желает, пусть приподнимет его теперь – и после того, как я на него посмотрю.

– Как посмотрите?.. И что ж потом? Вы не будете его держать? – спросило несколько голосов.

– Зачем же мне его держать? – спросила, улыбаясь, Елена Петровна.

Один из молодых людей решительно подошел и приподнял столик, как перышко.

– Хорошо. Потрудитесь поставить его обратно и отойти.

Приказание было исполнено и водворилось общее молчание. Все следили, затаив дыхание, за тем, что делала г-жа Блаватская. А она ровно ничего не делала; только устремила свои большие голубые глаза издали на шахматный столик и напряженно глядела на него несколько времени. Потом, не спуская с него глаз, она рукою пригласила того же молодого человека приподнять его.

Он подошел и уверенно взялся снизу за ножку... Стол не двигался.

Он схватился за него обеими руками.

Стол стоял, как привинченный к полу.

Молодой человек присел, обхватил ножку руками, начал энергически толкать стол плечами вбок, вверх, во все стороны; весь покраснел от напряжения. Не тут-то было: столик словно прирос к полу и не хотел двигаться!..

Поднялся оглушительный шум восторгов и восклицаний.

Молодой человек бросил стол *en désespoir de cause*²⁰, отошел, сложил по-наполеоновски руки и произнес:

– Вот так штука!

¹⁷ Ган Леонид Петрович (1840–1885) – брат Е.П.Блаватской, мировой судья 2-го участка Ставропольского уезда (1869–1876), присяжный поверенный округа Тифлисской судебной палаты в Ставрополе (1881–1883), присяжный поверенный Тифлисского окружного судьи (1884–1885).

¹⁸ Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – офицер конной кавалерии, полковник в отставке (1845), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858).

¹⁹ Ныне присяжный поверенный в Ставрополе. – *Примечание В.П.Желиховской.*

²⁰ в отчаянии (*фр.*).

– Поистине штука! – согласился Л.Ган. У него явилось подозрение, что гость этот действует заодно с его сестрой. – Елена! Можно мне попробовать? – спросил он.

– Сделай одолжение.

Брат ее подошел, улыбаясь, и схватил ножку крошечного столика своей мускулистой рукой. Но улыбка в ту же секунду сменилась выражением удивления. Он отошел на шаг и осмотрел стол, ему давно известный. Потом сильно толкнул его ногою в сторону, но столик даже не дрогнул.

Тогда он налег на него грудью и пробовал раскатать его... Дерево трещало, но не поддавалось никаким усилиям. Три его ножки казались привинченными к полу. Леонид Петрович потерял надежду и, отойдя в сторону, сказал:

– Странно! – глаза его невольно перебежали со столика на сестру.

Все согласились с его восклицанием.

К этому времени шумные возгласы привлекли гостей из других комнат и многие, молодые и старые, пробовали поднять или хоть пошевелить упрямый шахматный столик, но остались только при желании.

Видя недоумение своего брата и, может быть, желая окончательно разрушить его сомнения, Елена Петровна обратилась к нему и, тихо рассмеявшись, сказала:

– Попробуй теперь поднять его!

Ган нерешительно подошел, взялся опять за ножку и дернул столик вверх, чуть не вывихнув себе руку от излишнего усилия: столик взлетел, как перышко!

Теперь второй случай: произошел он уж не в Пскове, а в Петербурге в гостинице «Париж», несколько недель позже. Петр Алексеевич Ган приехал туда с обеими дочерьми по делам. Утро проходило в хлопотах, вечера проводились то в гостях, то в театре; о спиритизме и речи не было. В один из вечеров к ним приехали двое знакомых; оба старики; один – товарищ Гана по Пажескому корпусу барон М*, другой – его приятель, бывший декабрист, Андрей Львович К[ожевник]в²¹. Оба, а особенно последний, были ярые спириты и едва ли не за тем и приехали, чтоб убедиться лично в медиумической силе г-жи Блаватской.

После нескольких удачных опытов посетители пришли в восторг и удивлялись равнодушию г. Гана, хладнокровно раскладывавшего пасьянс, а на вопрос, обращенный к нему, он объявил, что это все вздор, он не хочет и слышать такой ерунды, и что, по его мнению, это занятие унижительно для серьезных людей. Старые знакомые не оскорбились таким ответом и стали усиленно просить Петра Алексеевича уйти в другую комнату, написать на бумажке вопрос и, не показывая его никому, положить в карман. Старик сначала посмеивался, потом согласился. Исполнив все согласно указанию, он снова уселся за свой пасьянс.

– Вот сейчас решится наш спор! – сказал К[ожевник]ов. – Ну, что вы скажите, Петр Алексеевич, если ответ будет самый категорический? Придется ведь поневоле уверовать!..

– Не знаю, что я скажу! – скептически возразил Ган. – Только знаю одно: в тот час, когда я поверю спиритизму, – я поверю черту, ведьмам, русалкам, оборотням – всем бабьим сказкам, и меня придется свести в желтый дом!

Сказав это, он опять углубился в пасьянс, а мы начали прислушиваться к неумолкаемым стукам в поставленную на стол тарелку. Младшая сестра говорила азбуку, один из гостей записывал, а роль Блаватской заключалась в том, что она при сем присутствовала. (Она была и хорошим пишущим медиумом; хотя этим способом говорить можно гораздо скорее и проще, но она его не любила, именно потому, что боялась подозрений).

[С] помощью стуков и азбуки сложилось *одно слово*... Но слово это оказалось таким странным, что все мы, ожидавшие какой-нибудь сложной фразы, переглядывались в недоумении, не зная, прочесть ли его громко?.. На наши вопросы, кончена ли фраза, – раздавались энергические ответы: «Да!.. Да, да, да!!», что выражалось *три* стуками. Три означало настойчивое подтверждение.

Заметя наше волнение, услышав наши возгласы, П.А.Ган обернулся и спросил:

– Ну, что же?.. Готов ответ?.. Верно что-нибудь очень замысловатое?..

Он встал и, посмеиваясь, подошел к нам. Меньшая дочь его, Я[хонто]ва, встала и с маленьким замешательством ответила:

– Здесь только одно слово...

– Какое?

²¹ Кожевников Андрей Львович (1802–1867) – декабрист, действительный статский советник, управляющий Гродненской палатой государственных имуществ.

– *Зайчик!*

Надо было видеть перемену, происшедшую при этом слове с стариком!.. Он побледнел и, растерянно поправляя очки, произнес, протягивая руку.

– Дай сюда!.. Посмотреть... Точно ли?

Он взял и повторил очень взволнованным голосом:

– *Зайчик?.. Да... Зайчик!.. Странно!..*

Он вынул из-за борта сюртука свою записку и молча подал ее дочерям.

Они схватили и быстро прочли вопрос и заранее приготовленный в скобках ответ его, самому себе. Вот что на ней было написано:

«Как звали мою первую боевую лошадь, на которой я делал турецкую компанию?..» А ниже в скобках: «*Зайчик!*»

Мы торжествовали.

При этом надо заметить, что П[етр] А[лексеевич], старый артиллерист, почти всю жизнь провел один, вдаль от семьи. Первая жена его, Елена Андреевна Ган, урожденная Фадеева (та самая, что в конце [18]30-х и в начале [18]40-х годов очаровывала весь русский читающий мир своими прелестными романами и повестями под псевдонимом *Зинаиды Р-вой*)²² скончалась 27-ми лет, оставив троих детей. Старшей Елене было 11 лет, меньшему сыну 2 года. Родители ее забрали всех детей к себе и вскоре переехали с ними в Тифлис, где дети и выросли, совсем почти не зная отца. Такой интимности никогда между ними не бывало, чтоб они могли знать вещи, бывшие у отца в ранней его молодости. Да к тому же он сам выбрал такой вопрос, о котором они не могли иметь ни малейшего понятия.

Этот «Зайчик» имел громадное влияние на старика Гана. Как это часто случается с закоренелыми скептиками: раз он убедился, что в этом есть *нечто*, не имеющее ничего общего с обманом, он, поверив одному факту, – поверил сполна всему и предался спиритизму с чисто юношеским увлечением. Конечно, он не счел себя сумасшедшим, как заявлял ранее.

III

К числу выдающихся явлений принадлежит следующее:

К Я[хонтовы]м по случаю убийства, совершенного неподалеку в кабаке, заехал становой. Не говоря ни слова о цели своего приезда, он на другой день назначил сходку крестьян, но она в тот же день оказалась излишнею: после чая по обыкновению начались стуки в стенах и мебели, а начатый разговор по азбуке разъяснил все подробности этого кровавого дела. Вот хотя и не дословное, но очень близкое к подлиннику сообщение, обращенное в далеко неучливой форме к становому: «Ты-де, старый олух (или что-то столь же неделикатное), тут чайком да разговорами пробавляешься, а завтра чуть свет убийца, Самойло Иванов, уйдет в другой уезд и “поминай тогда, как его звали”. А поезжай сейчас в Орешкино: там, у мужика Андрея Власова захватишь его на чердаке...»

– Батюшки! Отцы мои, родные! Да что ж это за чудеса? – взмолился озадаченный становой. – Ведь у меня деревня Орешкино точно на примете!.. А позвольте спросить: почему же *вы* знаете, что убийцу зовут Самойло Иванов и что он у Власова в избе?.. А кто же такой Власов?

Ответ последовал в том же духе:

«Ты можешь дальше своего носа ничего не знать! А *мы* – все знаем, что узнать хотим!.. Самойло Иванов – солдат бессрочно отпускной. Он вчера пьян был, подрался и сам не знает, как его грех попутал кулаком мужичонку уложить».

Тогда становой вскочил и заторопился ехать. Сообщенные обстоятельства вполне согласовались с собранными им ранее сведениями. Он полетел в Орешкино²³.

На другое утро, ранехонько, явился гонец, присланный становым донести господам, что все исполнилось как по писаному. Убийца был задержан на его ночлеге у мужика Власова и оказался действительно бессрочно отпускным солдатом Ивановым.

Это происшествие наделало много шума в уезде и придало большое значение явлениям, окружающим Блаватскую. Мы же лично более всего были заинтересованы проявлением осмысленности и самобытности незримых деятелей.

²² Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница, публиковалась под псевдонимом «Зенеида Р-ва», мать Е.П.Блаватской.

²³ За точные названия деревни и лиц, по давности происшествия, не ручаемся. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Самые лучшие сеансы удавались тогда, когда мы бывали одни, когда никто не желал производить никаких опытов, никого не надо было убеждать или просвещать и сеанс направлялся по воле и распоряжениям, в которые никто из нас, даже главная виновница этих явлений не вторгались, а предоставляли действовать незримым деятелям, от которых вполне зависели явления. В таких случаях они превосходили самих себя сверхъестественными своими способностями. Мы пришли к убеждению, что деятели эти подразделяются на несколько категорий и одна из них, самая высшая, редко снисходит до общения с посторонними лицами, охотно являясь на наш зов только тогда, когда между всеми присутствующими существует полная гармония, способствующая проявлению медиумической силы. Действия их вообще мало зависели от воли медиума. Такие сеансы, как с шахматным столиком в Пскове, удавались очень редко. В большинстве случаев они действовали совершенно произвольно, нимало не согласуясь с требованиями окружающих. Бывало очень досадно, когда хотелось завербовать разумного интеллигентного адепта и как нарочно ничего замечательного не выходило! Хотелось, чтоб сказано было что-нибудь выдающееся, а говорилось чушь... чтобы повторилось явление, неоднократно наблюдаемое, – и никогда почти этого не исполнялось²⁴. Помню, как в один вечер при гостях, заехавших издалека нарочно с целью, чтоб «видеть очами и слышать ушами», Блаватская тщетно пускала в ход всю силу своей воли – решительно ничего не вышло!.. Гости уехали недовольные, в самом скептическом и насмешливом настроении духа, а едва за ними заперлась дверь, еще и колокольчики их экипажа явственно звучали в подъездной аллее, как все пришло в движение, вся мебель словно оживилась, и весь вечер и часть ночи мы провели, словно среди очарованных стен дворца какой-нибудь Шехерезады.

Чего не делалось тогда?.. Все явления, наблюдаемые нами в разное время, – имели место в эту памятную ночь. То раздавалась гамма на *закрытом* рояле в зале, где все мы сидели за ужином. То по первому взгляду медиума к ней неслась по воздуху через всю комнату ее папиросница, носовой платок, спичечница. То в смежной гостиной разом потухали лампы и свечи, и когда мы вошли в нее с огнем, оказалось, что вся мебель в ней стояла вверх ногами, беззвучно перевернутая невидимыми руками, в полной целостности... Едва опомнившись от этого чуда, все мы услышали снова в зале игру на фортепиано, но на сей раз игру осмысленную, словно какой-то бравурный марш. Переглянувшись и увидав, что все, кроме давно спавшей маленькой Лизы²⁵, налицо, мы бросились обратно в залу и, как и следовало ожидать, нашли рояль закрытым.

Мы уселись за большой обеденный стол и устроили сеанс. Стол тотчас начал сильно колебаться, быстро двигался по комнате, поднимался на высоту роста человеческого; одним словом, с ним последовали все явления, повторявшиеся всегда, когда кружок состоял только из лиц, близких к Е[лене] П[етровне].

Между массой разнообразных и поразительных явлений этого сеанса скажу подробно лишь о двух.

Из всех незримых собеседников на этот раз более всего заявлял себя Пушкин. Прошу при этом читателя не вывести заключения о нашем убеждении, что этот незримый деятель был действительно покойный поэт, прах которого покоится по соседству Ругодева, в посаде «Святые Горы». Мы уже высказали свой взгляд, насколько можно доверять сообщениям и заявлениям этих собеседников. Но это нисколько не мешает нам сказать, что на наших сеансах часто заявлялись имена великих людей; при этом некоторые говорили очень умно, научно и дельно; другие же, несмотря на заявленные имена знаменитых людей, болтали о таких пустяках, которые принесли бы честь любому клоуну цирка, но никак не Сократу, Цицерону и Мартину Лютеру²⁶. И так, в этот вечер Пушкин занимал нас своей беседой. Он был в меланхолическом и мрачном настроении духа и, между прочим, на вопросы наши, отчего он так печален?

²⁴ То же самое неоднократно замечалось в сеансах и с другими медиумами. – *Примечание редакции журнала «Ребус».*

²⁵ Ган Елизавета Алексеевна (1849–1913) – дочь П.А.Гана от второго брака с Аделаидой фон Ланг.

²⁶ Упомянем при этом, что в то время мы вслух читали «Воспоминание Ек[атерины] Ром[ановны] Дашковой», печатавшееся, кажется, в «Отеч[ественных] записк[ах]». Интерес этого чтения увеличивался для нас тем, что в чтение постоянно вмешивался *якобы* присутствующий дух самого автора. Мы беспрестанно, посредством стуков, получали от его имени разные замечания, пояснения и опровержения некоторых тогдашних его взглядов. Все эти разъяснения и дополнения к нашему чтению очаровывали нас своим умом, интересом и юмором. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Отрывки из «Записок» Е.Р.Дашковой публиковались в журнале «Отечественные записки» в 1859 г. (№9–12).

Дашкова Екатерина Романовна (1743(1744)–1810) – государственный деятель, писательница.

Сократ (469–399 до н.э.) – древнегреческий философ.

Цицерон (106–43 до н.э.) – римский государственный деятель, оратор, писатель.

Лютер Мартин (1483–1546) – христианский богослов, инициатор Реформации.

чем страдает? чего желает? он отвечал следующим экспромтом, сохранившимся у меня, хотя он не выдерживает никакой литературной критики:

Зачем, друзья мои, вам знать,
Что я могу теперь желать?..
Одно желание во мне:
Покоиться на лоне смерти...
Мне не достичь небесной тверди!
Грешил я много на земле.
И ныне мучусь в страшной мгле.

– Бедный Александр Сергеич! – сказал отец г-жи Блаватской, когда мы прочли ему это стихотворение, и встал, разыскивая что-то глазами.

– Что вы ищете? – спросили мы.

– Да чубук свой!.. Надоели мне сигары, а чубук пропал: нигде не найду!

– Да вы же за ужином курили трубку.

– Ну, курил. А теперь, видно, «духи» Еленины ее спрятали...

«Раз-два-три!.. Раз-два-три!..» – раздалось со всех сторон в подтверждение этого предположения.

– Вот тебе раз!.. В самом деле?.. Так скажите же, голубчик Пушкин, куда вы ее унесли?.. А то я раньше времени и на сей земле впаду в уныние...

«Раз-два-три! Раз-два-три!..» – застучало в стол.

– Это вы, Александр Сергеич?..

Мы начали читать азбуку.

«Нет, это я – ваш прежний денщик, Ваше скородые²⁷... Воронов».

– А! Воронов!.. Очень рад с тобою свидеться, братец. Вспомни, голубчик, старину: подай мне трубку.

«Рад бы, да не могу: не дают! Извольте сами ее снять. Она, вон, над вами, – *на лампе болтается*».

Все подняли головы. Действительно: оба конца чубука балансировали на железном абажуре лампы, висевшей над столом, вокруг которого мы сидели во время сеанса²⁸.

Явление это поразило и нас, приученных за это время опытов не удивляться многому, чему в недалеком еще прошедшем не поверили бы, несмотря ни на какие убеждения.

IV

Теперь мы расскажем факт, указывающий на то, что Е[лена] П[етровна] была и видящим медиумом. Если бы мы, описывая отдельные эпизоды, строго придерживались хронологического порядка, то факт этот, как относящийся к 1859 году, следовало бы рассказать ранее. Он имел место весной 1859 г. – только что сестры переехали в деревню.

Считаем нужным обратить внимание, что ни одна из сестер до переезда в Ругодево не имела о нем никакого понятия: оно было куплено мужем меньшей сестры за несколько месяцев до его смерти у людей, совершенно им не знакомых. Неожиданно ранняя смерть его сделала это имение единственным имуществом его вдовы и двух маленьких сыновей. Им пришлось поселиться в нем, но они не могли иметь никаких сведений ни об окружавших их соседях, ни тем более о прежде живших в нем людях. Меньшая сестра (Я[хонто]ва) знала только, что оно куплено у некоего Статковского, мужа внучки прежних его владельцев Шушериных. Кто такие были эти Шушерины, прежние родовые владельцы этих живописных гор, сосновых лесов, озер, березовых рощ и старинного дома с видом на 30 верст к Новоржеву, – настоящие его владельцы не могли иметь даже представления, а менее всех Е[лена] П[етровна], прожившая десять лет вне России.

²⁷ Сокращенное выражение «Ваше высокоблагородие» – титулование гражданских чиновников от шестого до восьмого класса и офицеров от капитана до полковника и их жен.

²⁸ Подобное, но еще более сложное явление наблюдалось нами на одном из сеансов в присутствии г-жи Прибытковой: золотой запянный браслет был снят с руки медиума и, по указанию незримых деятелей, был найден на покато́й поверхности фарфорового резервуара лампы, свисавшей с потолка в комнате, где был сеанс. – *Примечание редакции журнала «Ребус».*

Речь идет о Елизавете Дмитриевне Прибытковой (?–1896), медиуме, жене В.И.Прибыткова.

Перед вечером, на второй или третий день приезда сестер в Ругодево, они ходили по цветнику, вдоль фасада дома. Окна его нижнего этажа выходили довольно низко в цветник, а другой стороной – углом в сад. Вся семья жила наверху: там было восемь или девять больших комнат; внизу, направо от входа в подъезд, поселился в двух комнатах отец их; влево же – такие же точно две комнаты, по переднему же фасаду, никем не были заняты и в ожидании гостей, которым предназначались, стояли запертые на ключ. В комнатах, выходящих на противоположный фасад дома, жила прислуга, и их отсюда не было видно. Ярко выступали только пустые комнаты, особенно вторая, угловая, которая вся светилась, пронизанная наискось чрез окошки лучами заходящего солнца. Сестры медленно ходили под самыми окнами по дорожке, и каждый раз, как они подходили к угловой комнате, старшая сестра (Е[лена] П[етровна]) смотрела в нее долгим взглядом, неохотно от нее отрываясь, и странная улыбка мелькала на ее лице. Вера, меньшая, заметила, наконец, эти взгляды и спросила, что она видит?

– Хочешь, скажу? – отвечала Е[лена] П[етровна]. – Только смотри, не испугайся.

– Мне-то чего же пугаться?.. Ведь я, слава Богу, ничего не вижу. Неужели выходцев с того света, по твоему обыкновению?

– А не могу сказать, с того или с этого, потому что их не знаю, никогда не видывала... Но скорее думаю, что с того... по некоторым признакам.

– Что ж! У них мертвые лица, что ли?

– О, нет!.. Тогда бы я видела их как умерших в гробах или на столе. Это тоже бывало со мною не раз... Но эти – ходят себе и смотрят, как живые люди. Им нет причины извещать меня о своей кончине, потому что я их не знала живыми. Но... вид у них старинный!.. Костюмы такие, как теперь разве на портретах увидишь. Кроме, впрочем, одного...

– Какой же этот один?

– О! Этот смотрит как будто студентом или художником. Он в бархатной блузе, подпоясан широким ремненным поясом... Волосы у него длинные, вьются до плеч... Это совсем молодой человек, юноша... Он стоит поодаль от других и смотрит в противоположную сторону.

Сестры остановились теперь, и обе смотрели внутрь запертой комнаты. Но *пустую* она была только для одной из них... Другая видела ее населенной, вероятно, давно отшедшими жильцами...

Блаватская продолжала:

– Вот, вот он повернулся сюда. Посмотри! Словно испугался нас... и нет его! Как это странно!.. Он будто растаял в солнечном луче.

– Спросим вечером, кто он такой! – предложила Вера.

– Спросим... Да что из этого! Разве можно им верить?.. Я бы дорого дала, чтоб иметь способность, как другие, вызывать именно того, кого хочу! Но мне это так редко удается!.. Посмотри, какое уродство!.. Что это значит?

– Да что ты все ко мне: посмотри, да посмотри! Будто бы я такая же, как ты, ясновидящая... Расскажи, какие же другие?.. Только, послушай, если что-нибудь очень страшное – не говори! Не хочу!

– Да нет!.. Ничего особенного. Мне так показалось... Их трое... Одну, впрочем, я неясно вижу... Кажется, женщина. Она как-то сливается с тенью в углу... А вот старушка стоит и смотрит на меня, как живая. Премилая, толстая старушка! Чепчик с оборочками, белый платок на шее, крест-накрест, серое платье и клетчатый передник.

– Да ты рисуешь какой-то портрет фламандской школы! – рассмеялась Я[хонто]ва. – Полно! Уж ты не сочиняешь ли?

– Ей-богу же нет! Ну, как мне жаль, что ты не можешь видеть!

– Покорно благодарю! А мне так совсем не жаль! Бог с ними!.. Страх какой!

– Ничего нет страшного!.. Вот разве старик этот...

– А какой же еще старик?

– Старик ужасно странный!.. Высокий, худой, на лице такое страдание!.. И потом, у него ногти на руках ужасные! Право!.. Как когти, в целый вершок²⁹...

– Господи, помилуй! Да кого ты описываешь? Точно сам...

«Черт» – хотела сказать Вера, но не договорила. Ей вдруг стало очень страшно, и она отошла от темневшего окна.

Солнце уже зашло, но багровый румянец заката лежал на всем. Цветник блистал двойною прелестью в этом освещении; только угол дома перерезывал его пополам темно-синей тенью. Блаватская осталась за

²⁹ Вершок – старая русская мера длины, равная 4,445 см.

этим темным углом, а сестра ее вышла на яркий свет и звала ее посмотреть лучше на чудный вид: на дальние горы, поросшие бором, с озолоченными еще верхушками; на пруды, в которых ярко отражалась вся зеленая путаница берегов, и на старую часовню, мирно дремавшую в чаще берез.

Елена Петр[овна] подошла к ней задумчивая. Ей хотелось знать, *кого* она сейчас видела?.. Она была уверена, что эти люди когда-то жили здесь.

– Меня интригует только этот старик! – говорила она. – Зачем у него такие ногти и еще, знаешь, какая-то очень странная, черная, высокая шапка. Словно клубок монашеский!

– А Бог же с ними!

– Это очень интересно, тем более что я редко вижу!.. Другие медиумы, сильнее меня, говорят, постоянно окружены массой призраков. А я нет. Иногда только... Вот еще вчера вечером я видела какого-то господина с бакенбардами у Лизы...

– В Лизиной комнате?.. Возле детей??. Нет уж, Бога ради, нельзя ли его переселить куда-нибудь?.. Я надеюсь, что он туда явился только за тобою, а не вечно обретается. Как это ты не боишься, удивляюсь?!

– Да чего их бояться? Они безобидны... в большей части случаев. Да я и привыкла! В сущности, я уверена, что мы все постоянно окружены тысячами, миллионами их.

– И ты думаешь, что все это призраки умерших?

– Я в этом убеждена.

– Так отчего же нас не окружают постоянно близкие наши? Зачем мы должны выносить непрошеное присутствие чужих, незнакомых?

– Ну, этого я не могу тебе сказать!.. Сколько раз я хотела вызвать кого-нибудь знакомого, родного. Сколько я просила, желала всей душой – ничего не выходило! Раза два-три я видела и своих, – но не очень близких, и всегда неожиданно, не по моей воле. Сколько я заметила, не мы притягиваем вообще присутствие их, а те места, где они жили. Хочешь, спросим кого-нибудь из прислуги... какого-нибудь старика. Я уверена, что по нашему описанию он их признает и скажет нам, кто они были.

Сестры так и сделали. Они присели на крыльце и подозвали первых проходивших мимо дворовых. Это были Тимофей Некрасов, бывший портной, живший теперь на покое, и садовник Ульянов.

Прежде всего, спросили, не жил ли здесь когда-нибудь старик такого-то вида: высокая шапочка, длинные ногти, серый длиннополый сюртук и проч.?

– Да как же! – вскричали оба, перебивая один другого. – Это же наш барин покойный! Он самый!.. Старый барин наш, Николай Михайлыч.

– Статковский?

– Нету, сударыня! Статковский – это молодой, по жене своей только нам барин, по Наталье Николаевне, внучке, значит, настоящего нашего помещика, Шушерина, Николая Михайлыча. А это, как вы изволите описывать, – эти они сами и есть, Николай Михайлыч Шушерин³⁰.

Сестры переглянулись.

– Мы видели его портрет... в Пскове, – объяснила меньшая, не желая сказать этим людям правды. – Так зачем же он носил такую шапку высокую и ногтей не стриг?

– А это, изволите видеть, они еще как прежде служили в Литве, так оттуда болезнь³¹ тамошнюю вывезли: колтун прозывается. Не могли они ни ногтей отрезать, ни волос стричь... Так и ходили в такой шапочке бархатной, как будто поповская камилавка.

– Ну, а какого виду была ваша барыня Шушерина?

Дворовые начали описывать особу, нисколько не похожую на виденную старушку.

Впрочем, из их же рассказов тут же выяснилось, что виденная Блаватской высокая старушка в полунемецком костюме не кто иная, как немка, Мина Ивановна, экономка, прожившая в доме Шушериных более 20 лет. Мало этого. Оказалось еще, что та комната, в которой Е[лена] П[етровна] видела в этот вечер и во многие последующие дни призраки умерших жителей Ругодева, служила всем им

³⁰ «После обеда тотчас отправились в Ругодево. Николай Михайлович Шушерин с огромными ногтями и еще крупнейшей семьей собак, из коих одна слепа. Наталия Николаевна – жена его, устаревшая кокетка со множеством портретов» (Философов В.Д. Воспоминания протекших дней (запись от 12 июля 1838 г.) // РГАЛИ, ф. 1183, оп. 1, д. 6).

Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894) – первый главный военный прокурор Российской империи, член Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел; в селе Богдановское Новоржевского уезда Псковской губернии было имение его отца.

³¹ болезнь (нар.-разг.).

последним убежищем на земле: туда обыкновенно ставили покойников до погребения их в часовне за прудом, хорошо видной из окон этой комнаты³².

Много раз после этого дня не только Е[лене] П[етровне], но и маленькой сестре ее Лизе случалось видеть разных призраков в этом старинном доме, полном воспоминаний о прошлых временах и людях отшедших. Семилетняя Лиза нимало не боялась видимых ею личностей, которых считала живыми людьми, и только изумлялась тому, откуда они являлись, и почему никто, кроме нее и старшей сестры, не хотел замечать их. К счастью, после двух-трех подобных случаев способность эта оставила ребенка и никогда уже к ней не возвращалась в последующей жизни. У Елены же Петровны она осталась и поныне и до такой степени, что редко приходится извещать ее о смерти того или другого лица, знакомого ей: они всегда почти ранее писем сообщают ей о своей смерти...

Пребывание сестер в Ругодево окончилось сильной болезнью старшей. Она несколько лет тому назад, во время одного из своих путешествий по азиатским³³ или американским дебрям, была сильно ранена. Рана эта по временам открывалась, и тогда она сильно страдала, даже до конвульсий и беспамятства. Болезнь продолжалась дня два-три и потом стихала сама собою, но перепуганная семья не знала этого и очень встревожилась. Послали в Новоржев за доктором, который, однако, не принес много пользы, потому что сам был сильно озадачен и испуган – не болезнью Блаватской, а той непрестанной кутерьмой, которая, словно еще усиленная ее беспомощным состоянием, неумолкаемо происходила вокруг нее³⁴. Это был такой хаос звуков и стуков, раздававшихся в полу, в потолке, в стенах, в окнах, что не храбрый врач пришел в изумление и даже ужас. Его страх, комические ужимки и просьбы не оставлять его одного в комнате больной, поспешность, с которой он стремился выйдти из нее, забавляли домашних Елены Петровны, привычных к различным, гораздо более удивительным проявлениям присущей ей невидимой силы, в сущности, совершенно безвредной. Перепуг бедного доктора долго служил предметом смеха ругодевских жителей и более самой болезни запечатлел в их памяти этот эпизод.

Весной [18]60-го года обе сестры уехали на Кавказ для свидания с своими родными.

V

До сих пор мы говорили довольно подробно о г-же Блаватской как о медиуме, потому что были личными свидетелями проявления ее медиумической силы. О дальнейшей же жизни и деятельности Е[лены] П[етровны] мы не имеем возможности рассказать настолько же подробно, хотя вполне ручаемся *за истину* и последующих фактов, которых мы коснемся в этом очерке.

Последующая деятельность Е[лены] П[етровны] крайне разнообразна. Ее талантливая, исключительная натура, постоянно требовала новой деятельности, новых интересов, новых занятий. Довольствоваться обычной мелкой средой и бесцветным существованием большинства – ей было немислимо, как рыбе немислимо жить без воды, а вольной птице без воздуха. В течение десятилетнего отсутствия в России Е[лена] П[етровна] отвыкла уже от заурядного, будничного прозябания.

В продолжение трехнедельного путешествия сестер на лошадях от Москвы до Тифлиса случилось немало замечательных явлений, но мы упомянем лишь о следующем.

На одной из станций, в земле войска Донского, смотритель грубо заявил им, что лошадей нет. Солнце еще не село, ночь предстояла лунная, а им приходилось терять даром несколько часов. Как ни досадно, но делать было нечего, тем более что смотритель скрылся и не хотел даже говорить с ними. Пришлось расположиться на ночлег, но и тут явилось затруднение: на станции была только одна свободная каморка возле жаркой и грязной кухни, а чистая комната для проезжих была заперта наглухо и почему-то ее отпирать не хотели. Блаватская теряла терпение. Как! Не давать ни лошадей, ни комнаты, где переночевать, на что это похоже?.. Да почему же заперта эта комната?.. Нельзя ли узнать?.. Но и

³² Разговор сестер и весь этот эпизод передан нам меньшею, г-жою Я[хонто]вою. – *Примечание В.П.Желиховской.*

³³ В тексте статьи: азиатским.

³⁴ Нам тоже случилось наблюдать выдающееся проявление медиумической силы во время болезни медиума, когда он был, по выражению автора, в беспомощном состоянии, т.е. во время болезненной потери сознания. Подобные характерные наблюдения, а также не раз подмеченное участие в медиумических явлениях электричества и других известных сил природы ясно намекают на возможность исследования этих явлений научным путем. – *Примечание редакции журнала «Ребус».*

спросить-то некого было: станция словно вся вымерла. Нигде ни души!.. Блаватская подошла к низеньким окнам запертой комнаты и припала к стеклу...

– Ага! Вот оно что! – воскликнула она через минуту. – Постой же! Я заставлю зрителя сейчас же нам запрягать.

И она решительно направилась разыскивать его.

Желая узнать, что скрывается в заповедной комнате, сестра ее в свою очередь начала всматриваться в окно; но, хотя вся комната была ярко освещена заходящим солнцем, *непосвященные* глаза ничего не могли в ней видеть, кроме обыкновенной станционной обстановки...

Однако же, к величайшему изумлению и удовольствию Я[хонто]вой не прошло и десяти минут, как им вывели тройку отличных, курьерских лошадей под надзором самого зрителя, растерянно сопровождавшего путешественниц поклонами; запрягли их тарантас, и они продолжали путь.

– Скажи, пожалуйста, что еще за колдовство помогло тебе совершить это чудо? – спросила Блаватскую ее сестра.

– Да все то же! – смеясь, отвечала она. – Несчастный зритель счел меня, вероятно, за ведьму, когда я ему сказала, что особа, недавно лежавшая в гробу в этой запертой комнате, просит его не задерживать нас. Он сначала уставился на меня, ничего не понимая; но когда я описала ему наружность и одежду покойницы, он побледнел и бросился записывать нашу подорожную. Верно, захотелось, как можно скорее меня спровадить!.. Я тут же мимоходом спросила его работницу: кого недавно похоронил зритель? Оказалось, что жену. Во всяком случае, спасибо ей, что нам помогла!

VI

Не более двух лет прожила Е[лена] П[етровна] в Тифлисе и никак не более четырех вообще за Кавказом. Последнее время в Имеретии, Гурии и Мингрелии она нашла себе практические занятия в сплаве леса и орехового наплыва, очень высоко ценимого за границей. Но, несмотря на дела, она не бросала своих занятий спиритуализмом, и медиумическая сила ее тоже не оставляла ее, но только более подчинялась воле Блаватской. С течением времени самопроизвольные медиумические явления перестали так неотступно преследовать ее, и хотя сила и разнообразие их несколько не уменьшались, но Е[лена] П[етровна] предпочитала теперь в кругу близких людей получать сообщения с помощью карандаша: это было и проще, и быстрее. Иногда во время подобных сеансов Е[лена] П[етровна] впадала в какое-то оцепенение, как бы в магнетический сон, но и во сне рука ее продолжала дергаться и писать на бумаге. При этом ответы на мысленно заданные вопросы получались вполне удовлетворительные.

Между тем самопроизвольные явления хотя не так часто, но продолжались и бывали очень замечательные. К их числу принадлежало и следующее:

В сумерки Е[лена] П[етровна] вошла в комнату к своей тетке Н.А.Ф[адеевой]³⁵ со словами, что ее клонит ко сну; та предложила ей прилечь на кровать, и Е[лена] П[етровна] немедленно это исполнила. Но едва она заснула, раздались в комнате шаги; тетка ее обернулась – никого не было! Прошла минута, и вновь послышались не то, чтобы шаги, а какие-то странные звуки: будто по полу тащили или катили что-нибудь, и доски скрипели под тяжестью. Звук этот прошел по всей комнате, остановившись у постели, на которой спала Елена Петровна. Вслед за тем одна из книг, лежавших на столике, открылась, сорвалась с места и, взлетев под потолок, упала обратно на пол...

Встревоженная, хотя не особенно испуганная, Н[адежда] А[ндреевна] встала, чтобы поднять книгу и разбудить племянницу, желая тем прекратить явления; но в эту минуту тяжелое кресло, стоявшее у кровати, двинулось и с шумом упало на пол. Шум разбудил спавшую; она открыла глаза, села и, озираясь, спрашивала с удивлением: «Что такое?.. Что случилось?..» А между тем все стихло и в этот вечер явления не повторялись.

В настоящее время все эти самопроизвольные манифестации медиумической силы г-жи Блаватской прекратились, но когда именно мы сказать не можем, так как она снова уехала из России и определенно не сообщала об этом. Из писем ее мы знаем только, что она постоянно странствует и что не она впоследствии покорилась влияниям, которые непременно обуяли бы другую, слабейшую, натуру, но напротив, она их понемногу подчинила своей воле.

³⁵ Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – тетя Е.П.Блаватской, руководитель первого в России отделения Теософского общества, созданного в Одессе в 1883 г.

Интересоваться исследованием спиритуалистических фактов г-жа Блаватская не переставала и не перестает. Так, проживая в половине [18]60-х годов в Каире (откуда она очень часто делала экскурсии вглубь Африки), она состояла вице-президентом спиритуалистского общества³⁶, о котором местные французские газеты, в то время, рассказывали очень много интересных подробностей.

Как из отчетов этого общества, так и из известных нам фактов очевидно, что медиумическая способность г-жи Блаватской не уменьшилась. Вот один из этих фактов.

В течение последних лет в семье родных ее произошло много перемен: дед³⁷ и муж ее тетки³⁸ умерли, и все семейство переселилось в Одессу. Сама Елена Петровна давно уже не была в Тифлисе; там оставалась временно только сестра ее с своей семьей. К ней часто прибегали за помощью некоторые из бывших крепостных людей Ф[адее]вых, которые по старости лет не могли прокормить себя. Я[хонто]ва была не в состоянии много помогать им, но, по старой памяти, делала, что могла. Так она поместила в городскую богадельню двоих стариков: повара Максима и брата его Петра, когда-то очень расторопного лакея, но теперь безрукого горького пьяницу. Эти люди иногда приходили к ней поздравить с праздником. Вскоре и Я[хонто]ва переехала жить в Одессу, а Блаватская жила в то время в Египте. Сестры переписывались далеко не часто, и переписка ограничивалась краткими письмами. После долгого промежутка Я[хонто]ва получила от Блаватской длинное и очень интересное письмо, часть которого состояла из отдельных листов, вырванных из записной книжки и писанных карандашом под сенью египетских пирамид, куда Блаватская ездила в большом обществе своих товарищей, членов «Спиритуалистического Общества». Она описывала замечательные явления, происшедшие во время их экскурсии, и, между прочим, говорила: «Скажи, пожалуйста, Вера, правда ли, что безрукий Петр умер вчера (число, поставленное на письме, указывало, что оно шло из Египта десять дней)? Представь себе, что у одной нашей англичанки-медиума, писавшей карандашом на гробнице одного из фараонов, вдруг появились фразы на языке, которого никто из ее спутников прочесть не мог. Я была в стороне и подошла как раз вовремя, чтобы помешать их намерению бросить исписанную непонятными каракулями бумажку и прочесть на ней следующее воззвание ко мне по-русски: *“Барышня! Барышня! Помолитесь обо мне грешном?.. Я мучаюсь: пить хочу!.. Мучаюсь!..”* По этому названию “барышня”, которым нас с тобою и до старости, вероятно, будут величать наши старые люди, – писала далее Е[лена] П[етровна], – я догадалась, что речь ведет о котором-нибудь из них и сейчас же взялась сама за карандаш. Не знаю, правда ли, но он назвался Петром Кучеровым; объявил мне, что умер в богадельне при больнице доктора Горалевича, куда ты его поместила с Максимом, который будто бы тоже умер еще раньше его. Ты мне об этом не писала; напиши, правда ли?..» Далее шли подробные описания всей сцены и подлинных слов Петра, отчаянно жаловавшегося на испытываемое им, в наказание за пьянство его при жизни, мучительное чувство неудовлетворимой жажды; а в конце письма была приписка о том, что более не сомневается в смерти братьев, потому что в тот же вечер видела их обоих...

Сестра, заинтересованная этим известием, тотчас же телеграфировала в Тифлис и получила ответ, вполне подтверждающий сообщение Блаватской: Петр умер дней десять тому назад, именно в то самое число, о котором говорилось в письме Е[лены] П[етровны], а брат его – двумя днями ранее.

Для того, чтобы неподдельность этого явления была очевидна, считаем нужным прибавить, что знать о смерти этих стариков Блаватская не могла: они умерли в Тифлисе, с которым Е[лена] П[етровна] не имела никаких сношений. Да и кроме того, со дня смерти второго старика и до числа, выставленного на письме Блаватской, прошло только десять дней, а для письменного сношения с Египтом этот срок слишком мал. О телеграмме же, очевидно, не может быть и речи.

³⁶ А отнюдь не «медиумом на жаловании», как в прошлом году заявляла газета «Кавказ». – *Примечание В.П.Желиховской.*

В газете «Кавказ» (1882, №245, 17 сентября, раздел «Хроники»), была напечатана клеветническая информация, в которой без малейшего на то основания утверждалось, что Е.П.Блаватская «явилась в Египет, где, ударившись в спиритизм, служила медиумом в одном обществе спиритов за плату в 1000 фунтов стерлингов в год».

³⁷ Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) – государственный деятель, тайный советник (1858), управляющий конторой иностранных переселенцев (Екатеринослав, 1817–1834), член комитета иностранных поселенцев Южного края России (Одесса, 1834–1837), главный попечитель кочующих народов (Астрахань, 1837–1839), управляющий палатой государственных имуществ Саратова (1839–1841), гражданский губернатор Саратова (1841–1846), член Совета главного управления Закавказского края (Тифлис, с 1846 г.), управляющий экспедицией государственных имуществ при главном управлении Закавказского края (Тифлис, с 1850 г.); дед Е.П.Блаватской.

³⁸ Витте Юлий Федорович (1814–1868) – управляющий сельскохозяйственной фермой в Саратовской губернии, директор департамента государственных имуществ Закавказского края (с 1857 г.), муж (с 1844 г.) Екатерины Андреевны Витте (1819–1898), дочери А.М.Фадеева, тети Е.П.Блаватской.

VII

Избегая извлекать сведения о дальнейшей жизни г-жи Блаватской из ее собственных писем и приводя в этом очерке лишь то, что видели сами или заимствовали из источников несомненно беспристрастных, нам приходится проскользнуть, почти не останавливаясь, на нескольких годах из жизни Е[лены] П[етровны]. Желаящим легко пополнить этот пробел из иностранных газет: с конца [18]60-х годов газеты Каира, Александрии, Туниса, Греции, где г-жа Блаватская провела часть этого десятилетия, неустанно толковали о ее деятельности. В настоящее же время не уступают им газеты американские и индийские.

В начале [18]70-х годов г-жа Блаватская побывала еще раз на юге России и окончательно рассталась с родиной, где, несмотря на разнообразие своих талантов «из ряда вон», она не могла найти им применения по неимению связей и протекций. И область русской журналистики сделалась ей доступною лишь тогда, когда о ней заговорила пресса Старого и Нового Света.

В 1872 году Е[лена] П[етровна] уехала в Северную Америку. Путешествуя по ней и ознакомившись вполне с этою странюю, она поселилась в Нью-Йорке, где и прожила 7 лет. Эти годы она провела в непрерывном труде для приобретения излюбленных ею знаний. Кроме четырех или пяти языков, которые она знала, она изучила еще несколько, в числе которых были три древних языка: латинский, еврейский и санскритский. Греческому она уже выучилась ранее, живя в Афинах. Для изучения санскритского языка она, кроме учебников, нашла большую практическую помощь в индузе, жившем при «Теософическом Обществе». Е[лене] П[етровне] удалось устроить так, что двери Нью-Йоркской публичной библиотеки были для нее всегда открыты, и она могла пользоваться даже теми библиографическими редкостями, которые не предоставлены во всеобщее пользование³⁹. Плодом этих трудовых лет было учено-

³⁹ Этот абзац – плод фантазии В.П.Желиховской. Е.П.Блаватская не знала тех иностранных языков, которые упоминаются, и не пользовалась во время написания «Разоблаченной Изиды» Нью-Йоркской публичной библиотекой. В 7 главе данного очерка приводится письмо Блаватской, в котором она рассказывает, как создавалась книга. Полгода спустя, летом 1884 г., после личной встречи с сестрой Вере Петровне стало понятно, что Блаватская написала «Разоблаченную Изиду» с помощью Учителей методом свидетельств:

«Раз она [Е.П.Блаватская] очень удивила нас. Говорили о громадных знаниях ее, о памяти; изумлялись, откуда она могла достать все книги и рукописи, служившие ей материалом для ссылок в ее “Изиде”.

– Мне это не было особенно трудно, – сказала она, – я всегда имела перед собой весь материал, все сочинения, которые были мне нужны... Спросите Олкота и других: я не скрывала!.. Все видели фолианты и старые пергаменты, с которыми я справлялась.

– Вы их брали в Нью-Йоркской публичной библиотеке?

Она опять засмеялась, пожала плечами и начала перелистывать одну из книг своей “Изиды”.

– Вы, может быть, читали нужные вам сведения в *астральном свете*? – спросила одна особа не без насмешливого намерения.

– Да, – серьезно отвечала Блаватская, – многое я просто *списывала*, видя это перед собою. А не то – наводила справки по книгам, которых в Нью-Йорке, положим, нет, но которые мне доставляли... Вот, посмотрите: вот указания на средневековые сочинения, которые только и сохранились в Ватикане, – она указала на некоторые выноски и примечания в своем сочинении. – Я ведь указываю на них, называя том, главу и страницу... Откуда я их знала?.. Я в глаза их не видывала! Да если б и видала, разве возможно запомнить?..

Тут вмешался Олкот, вмешался американец Джедж, вмешалась мр-с Дидсон, знавшая Елену Петровну в Нью-Йорке.

Все они единодушно показывали, что очень часто видели на столе ее старинные фолианты, которые появлялись, когда ей были нужны, и потом исчезали бесследно...

Это казалось нам (и кажется) невероятным! Подобием волшебной сказки, – не правда ли? А между тем... Свидетельства стольких лиц... Наконец, положим, – все эти свидетели обманщики или обманутые, – прекрасно! Но как объяснить себе верность сотен ссылок на самые редкие и драгоценные издания, большинство коих составляют библиографические редкости? Ссылок, которые щедро рассыпаны по сочинению, написанному в *полтора года* в Нью-Йорке, где этих изданий нет и не бывало? Написаны эти два толстейших тома особой, не получившей никакого предварительного приготовления к такому ученому труду (это-то уж мы хорошо знаем!), никогда не отличавшейся особенной исторической эрудицией или памятью. Меньшие труды занимали десятки лет в жизни ученых людей; а это в 18 месяцев написала женщина, не имевшая никаких средств добывать материалы и сведения обыкновенными путями: выпиской книг, путешествиями, свободным доступом в те хранилища, где находятся источники, на которые она указывает без запинки. Ведь будь малейшая погрешность в ее ученых указаниях, ею сейчас бы воспользовалось многое множество ее антагонистов! Ведь эти антагонисты, на которых более всего направлены все обвинения г-жи Блаватской, никто иные, как иезуиты! Ученое католическое духовенство, в руках которого все библиографические драгоценности Ватикана! Разве они бы не поспешили ими воспользоваться, чтоб уличить обман, чтоб забрызгать грязью имя женщины, осмелившейся так жестоко оскорбить их, как их оскорбляет Блаватская в своей “Разоблаченной Изиде”?..» (Желиховская В.П. В области ок[к]ультизма и магнетизма // Одесский вестник, 1884, 172, 2 августа).

Олькотт Генри Стил (Olcott, 1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

теологическое сочинение в двух больших томах, которое, несмотря на свою отвлеченную специальность, выдержало три издания в первое же полугодие после своего появления. Мы говорим о ее «Разоблаченной Изиде» («Isis Unveiled»), возбуждавшей так много толков в прессе иностранной; но у нас прошедшей сравнительно незаметной...

В это же время г-жа Блаватская, не отрицая *реальности* медиумических явлений, получила новый взгляд как на причину их происхождения, так и на роль, которую играет при этом медиум⁴⁰. Под влиянием этого взгляда она начала отрешиваться от своих медиумических способностей. Она настойчиво отрекалась от навязываемого ей в письмах названия спиритки. Так в 1877 году в одном из своих писем она говорила:

«Какие мы спириты, Бог с вами?! Если я примкнула к “Обществу Теософов” (существующей здесь ветви Индийского Общества Ариян), правильное, братства, именуемого Ария Сомой⁴¹, то это именно потому, что они честно борются под знаменем истины и науки со всеми предрассудками, с злоупотреблениями лже-пророков, жрецов-калхасов⁴², равно как и с бреднями спиритов. Мы (теософы) скорее спиритуалисты, да и то не на американский, а на александрийский лад».

Вскоре после появления в свет книги Е[лены] П[етровны] имя ее, помимо этого, проникло на страницы отечественных изданий: статьи профессора Вагнера о спиритизме в «Русском вестнике»⁴³; переводы из сочинения г. Олькота (президента Общества теософов) «People from the other world»⁴⁴ о спиритических сеансах братьев Эдди⁴⁵ напомнили в России о Блаватской. Почти вслед за этим иностранные журналы громко заговорили о роли, которую играла Е[лена] П[етровна] на *кремации* тела барона де Пальма⁴⁶ в Нью-Йорке. Отзывы эти попали и в русскую прессу⁴⁷, но, увы, не послужили ей во славу, как не послужили впоследствии даже и похвалы ее книге, заимствованные некоторыми, весьма немногими, газетами. Станный, но положительно неоспоримый факт! Каждый раз, как о ней одобрительно отзывались чужие, *свои* тотчас же рассказывали небылицу в ироническом тоне, а то и просто распускали клевету: «Как? Это та самая Блаватская, что жила между нами?.. Да не может быть!» И вследствие этого «*не может быть*», в том отношении, что русская женщина написала по-английски умную книгу, вдруг оказывалось возможным, без всяких данных, утверждать, что она была *шарлатанка, дурно воспитана, глупа, безобразна* (какое же это имеет отношение к достоинствам или недостаткам ее

Джадж Уильям Куон (Judge, 1851–1896) – американский адвокат, писатель, один из основателей Теософского общества, с 1886 г. Генеральный секретарь американской секции Теософского общества.

⁴⁰ Мы пропускаем изложенный тут очень кратко автором своеобразный взгляд Е[лены] П[етровны] для того, чтобы впоследствии, по имеющимся у нас другим источникам, сообщить его более подробно. – *Примечание редакции журнала «Ребус».*

⁴¹ Арья-самадж (Arya Samaj, букв. «Общество ариев», по сути «Общество просвещенных») – индуистское реформаторское движение, основанное 10 апреля 1875 г. Даянандой Сарасвати. Целью Арья-самаджа Даянанда видел возвращение к «истинному ведийскому индуизму», очищение индуизма от всех влияний, проникших в него из других религий за весь послеведийский период.

Свами Даянанда Сарасвати (1824–1883) – индийский ученый-теолог, реформатор индуизма.

В мае 1878 г. Совет Теософского общества (Т.О.) в Нью-Йорке «принял предложение Арья-самадж об объединении с ними и изменении своего названия на “Т.О. Арья-самадж Индии” и признал Свами Даянанда в качестве руководителя. <...> В августе прибыл Устав Арья-самадж. Стало ясно, что самадж по своим особенностям не был идентичным Т.О., но являлся одной из ведических сект индуизма. Теософское Общество возобновило свой “status quo ante” (прежний статус). Е.П.Б[лаватская] и полковник Олькотт выпустили в течение сентября два циркуляра. Один давал определение сущности Т.О., другой объяснял характер новой организации “Т.О. Арья-самадж Арьяварты”. Организация, которая просуществовала три-четыре года и выполняла связь между двумя основными Обществами. Она имела свой собственный диплом и Устав. Члены основных Обществ по своему желанию свободно вступали или не вступали в него» (*Рэнсом Ж.* Краткая история Теософского общества (1875–1891). К., 2015. С. 73, 75). В мае 1879 г. Свами Даянанда был избран в Совет Теософского общества, а в марте следующего года вышел из общества.

⁴² Калхас – в древнегреческой мифологии жрец и прорицатель в войске Агамемнона, по словам Гомера «знавший, что есть, что будет или что было».

⁴³ Речь идет о статье Н.П.Вагнера «Медиумизм» (Русский вестник, 1875, №10), в которой Блаватская упоминалась под именем «г-жи Б.».

Вагнер Николай Петрович (1829–1907) – русский зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, один из лидеров российского движения экспериментального спиритизма.

⁴⁴ «Люди с того света» (англ.).

⁴⁵ Эдди Горацио (1842–1922) и Уильям (1832–1932) – американские медиумы.

⁴⁶ Пальм Джозеф (1809–1876) – американский теософ; кремация его тела состоялась 6 декабря 1876 г.

⁴⁷ Речь идет о статье В.П.Желиховской «Из-за океана. Похороны теософа» (Тифлисский вестник, 1877, №49, 8 марта; 50, 9 марта).

книги?)⁴⁸, и, в конце концов, что она «будучи 17 л[ет] убила (!) своего мужа и потому бежала из России»... Надо очень любить свое отечество, чтобы, несмотря на такие букеты, преподносимые ей соотечественниками, все-таки оставаться в душе русской и такой горячей патриоткой, какою до сих пор оставалась г-жа Блаватская⁴⁹!..

Барон де Пальм, о смерти которого упомянуто выше, был очень богатый человек и завещал большое состояние американской ветви теософов с тем, чтоб они выстроили крематорию (печь для сжигания трупов)⁵⁰ и, превратив тело его в прах, разобрали его, по шепоткам, на память. Это было исполнено при торжественной церемонии, которая привлекла громадное стечение народа. В нью-йоркских газетах явилось о ней множество рассказов, а в иллюстрированных журналах впервые помещены были портреты главных деятелей «Братства теософов» и, между прочим, портрет Блаватской. В это же почти время многие статьи ее обратили на себя общее внимание и особенно написанные в защиту несправедливо обвиненного медиума Слэда⁵¹ и против Гекслея⁵², прочитавшего в Нью-Йорке 3 лекции, направленные исключительно на доказательство небытия вечной души человеческой. За последнюю статью⁵³ в Е[лене] П[етровне] был признан блестящий литературный талант, а когда появилась в свет ее «Isis Unveiled», она сразу заняла почетное место в ученом мире и заинтересовала весь Нью-Йорк до такой степени, что не имела покоя от новых знакомств, а в особенности от репортерских преследований. Вслед за американской прессой заговорила о ней и европейская. Лондонский френологический журнал поместил ее портрет и нечто вроде биографии. «Public Opinion»⁵⁴ заявила, что ее «Изида» есть «самое замечательное явление в литературе нашего века». О специальных изданиях, посвященных спиритуализму и подобным отраслям науки, нечего и говорить: «Изида» как *profession de foi*⁵⁵ особы, которую они доньше считали вполне согласной с их взглядами, вызвало сенсацию в их среде. Вместе с тем литературное значение Е[лены] П[етровны] и ее фонды сразу сильно поднялись; гонорары за статьи ее учетверились.

«Представь себе мое приятное изумление! – пишет она сестре в одном из писем того времени. – За последнюю статью мою, посланную в газ[ету] “Tribune” об эзотеризме и нирване в религии Буддистов, думала получить 100–150 дол[ларов], а мне прислали 400!.. Что значит, вошла я в моду. От предложений отбою нет. За вздорный фельетон, который я пишу с маху, лишь бы отделаться от докучливых просьб, мне дают 60–70 долларов. А прежде за гораздо более обработанный и серьезный труд такого же размера, если давали 20 дол[ларов], так я рада бывала. А в сущности-то разве они платят за достоинство статей?.. За имя платят. Я и прежде писала не хуже, может быть, еще гораздо тщательнее обрабатывала свои статьи, – да имени моего не знали?.. А нынче в ход пошло, так редакции и не дают покою: всем оно нужно и платят à qui m'ieux-mieux⁵⁶!.. Хорошо, что не на самонадеянную напали: дочь отца моего скромна и о себе не возмечтает!..»

⁴⁸ 19 января 1878 г. в «Тифлисском вестнике» (№15) появилась заметка В.П.Желиховской, в которой были представлены «самые высокие отзывы» американской прессы о книге Е.П.Блаватской «Разоблаченная Изида». Откликаясь на эту заметку, публицист и литературный критик Н.Я.Николадзе (1843–1928) в своей газете «Обзор» 22 января опубликовал клеветнический материал о Блаватской. Ответом на клевету Николадзе послужили письма Желиховской и Блаватской, напечатанные в «Тифлисском вестнике» (1878, №21, 27 января; №126, 7 июня). В частности, В.П.Желиховская писала: «...Какие исключительные понятия должен иметь автор [Н.Я.Николадзе], помышляющий, что он докажет бесталанность особы [Е.П.Блаватской] тем, что насмеется над ее глазами, носом, худобою или толщиной. Прием этот и несовместен с благовоспитанностью (в особенности со стороны мужчины к женщине), и, главное, неудачен, ибо ровно ничего не доказывает. Сказав это, я по-настоящему – все сказала, ибо других аргументов, кроме “*волюминозности*” сестры моей и личной антипатии к ней г. Николадзе, – я в его статье не вижу; а кажется, таких обвинений для доказательства ее неспособности написать умную книгу [“Разоблаченную Изиду”] недостаточно?..»

Волюминозный (*фр.* volumineux) – объемистый, грузный, крупный.

⁴⁹ См. издаваемый и редактируемый ею журнал «The Theosophist» за 1877, 1878 и 1881 года. – *Примечание В.П.Желиховской.*

В.П.Желиховская ошибается, журнал «The Theosophist» начал выходить с 1879 г.

⁵⁰ Эти слова В.П.Желиховской являются выдумкой: Дж. Пальм умер в полной нищете, а первый в США крематорий построил на своей земле и на свои средства в 1876 г. Ф.Лемуан (1798–1879), американский врач и филантроп.

⁵¹ Слейд Генри (?–1905) – американский медиум.

⁵² Гексли Томас Генри (Huxley, 1825–1895) – английский естествоиспытатель и философ.

⁵³ Речь идет о статье Е.П.Блаватской «Huxley and Slade: Who is More Guilty of “False Pretences”?» («Гексли и Слейд: кто больше виноват в “обмане”?»), напечатанной в газете «Banner of Light» (1876, т. XL, №5, 28 октября). См. также: *Желиховская В.П.* Из-за океана. Спириты и курьезный бой г-жи Е.П.Блаватской с г. Гексли // Тифлисский вестник, 1877, №42, 27 февраля; №43, 1 марта.

⁵⁴ Public Opinion (Лондон), 1877, 29 декабря.

⁵⁵ совокупность убеждений, взглядов (*фр.*).

⁵⁶ наперебой (*фр.*).

Последнее замечание вполне верно: самонадеянность и гордость не обуяли Е[лену] П[етровну] среди чада того фимиама, которым ее окуривали, в особенности представители мелкой ежедневной прессы, в чаянии добиться от нее статьи или быть принятыми в ее прославленном «Lamasery»⁵⁷ – «нью-йоркском капище»⁵⁸, как прозвали дом на 7-м проспекте, занимаемый г-жою Блаватскою. Эти посещения давали Е[лене] П[етровне] обильный матерьял для более или менее правдивых, но всегда интересных для большинства публики статей... Она действительно так мало придавала значения своей литературной работе, что постоянно искренне удивлялась такому успеху. Вот что она писала в то время к родным о трудах своих по сочинению, доставившему ей такую известность:

«Не знаю, за что так восхваляют мои труды? Правда, я в эти годы работала и училась многому, но собственно Изида моя писалась так легко, что это был не труд, а наслаждение!.. Я часто удивляюсь легкости, с которой мне удается писать “о Байроне и о матерьях важных!”⁵⁹... Нужна статья, – я сажусь и пишу. О метафизике ли, психологии, философии древних или зоологии и естественных науках, я не задумываюсь, не спрашиваю себя: могу ли я? под силу ли мне? – а просто пишу. И выходит, оказывается, дело!.. Точно кто-нибудь *знающий* мне диктует... Вы не думайте, что я с ума сошла, но я так и убеждена: *мне внушают*... Я верю во *влияние* на меня и сильна своей верой в его силу... Не я говорю и пишу, а мой внутренний *ego, my luminous self*⁶⁰ думает за меня и пишет. Поглядите: неужели я в несколько лет стала так учена, что вот только что напишу статью (по-моему, самую пустую!) – все журналы здешние засуетятся?... Разборы, похвалы людей действительно ученых, специалистов; визиты редакторов, репортеров; заказы статей так и сыпятся. Откуда это?..»

Нам очевидно – *откуда*; но Е[лена] П[етровна] искренно была убеждена, что труды ее облегчались «косвенными влияниями»; что самые лучшие страницы даже ее «Изиды» писалась «под диктовку». В самый разгар ее занятий по этому сложному, очень отвлеченному сочинению, потребовавшем ссылок на несколько сот авторов различных эпох и национальностей, – вот что она писала сестре:

«...Ты, может быть, не поверишь, но я как в чаду, как в лихорадочном каком-то восторге! Наяву и, кажется, во сне я занята своей Изидой! Смотрю я, наблюдаю и не нагляжусь на то, что вижу, по мере того, как покрывало ее редеет и спадает перед моими глазами!.. Вот уж три года почти, как предо мною носятся, денно и ночью, образы прошлого... Медленно, как в волшебной панораме, проходят на глазах моих столетия за столетиями. Расы и народы, страны и города возникают, рушатся и исчезают. Седая древность заменяется историческим периодом; мифы дают место событиям и людям действительным, и каждое явление, каждый переворот – с побудившей причины и до последующих естественных результатов – так и запечатлевается в голове... Когда я думаю, мне кажется, что мои мысли – словно разноцветные кастеты⁶¹ какие-нибудь: и складываю я их, и перекладываю, и под конец выходит всегда нечто геометрически верное. Не могу понять, откуда у меня такая память? такое соображение и ясность выводов?... Помогают мне: очевидно, помогает “*хозяин*”⁶²!..»

Помогали ей, по-нашему, природные дарования, да развитые усиленными трудами знания и память. Но, как видно из приведенных отрывков ее писем, она сама меньше всех ценила это, отвергала свое личное участие в работе, приписывая весь успех ее каким-то «влияниям», внушениям какого-то мифического «*хозяина*»⁶³...

VIII

Интересующиеся настоящею деятельностью г-жи Блаватской могут получить подробные о ней сведения: из писем ее «Из пещер и дебрей Индостана», печатающихся в «Моск[овских] вед[омостях]» и

⁵⁷ Lamasery (англ.) – ламаистский монастырь.

⁵⁸ «The Lamasery of New-York». «Hartford Daily Times». 2 December 1878 <«Ламасери в Нью-Йорке. «Hartford Daily Times». 2 декабря 1878, англ.>. – Примечание В.П.Желиховской.

⁵⁹ Слова из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (1824).

⁶⁰ субъект, моя светящаяся сущность (англ.).

⁶¹ Casse-tête (фр. головоломка) – игра, в которой из разных элементов (кастет) необходимо составить фигуру.

⁶² Духовный учитель Е.П.Блаватской, от master (англ.) – учитель, хозяин.

⁶³ Этому полумифическому лицу теозофисты-индийцы придают в самом деле большое значение (смотри сочинен[ие] Синнета: «The occult World»). – Примечание В.П.Желиховской.

Синнетт Альфред Перси (Sinnett, 1840–1921) – английский журналист, писатель, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 гг., президент Лондонской ложи Теософского общества.

«Русском вестнике» под псевдонимом Радда-Бай⁶⁴; из различных иностранных газет и журналов; из отдельных сочинений, вроде книги Синнета под заглавием «The Occult World»⁶⁵, и, наконец, более и ближе всего из ее собственного журнала «The Theosophist» (см. объяв[ление] на стр. 442⁶⁶). Нам же остается в дополнение этого беглого очерка сказать еще несколько слов о ее общественной и спиритуалистской деятельности, в опровержение множества неверных слухов, попавших о ней в русскую прессу.

Последняя русско-турецкая война застала г-жу Блаватскую еще в Америке. В самый разгар ее она почти оставила все другие занятия, посвятив все свое время горячей борьбе с *литературными* врагами России. Она давала такие сильные отпоры почти на каждую злую выходку журналистов против русских, что местные сторонники наших врагов почти умолкли в Нью-Йорке. «Tribune», «Sun», «Daily Times» были главными органами Е[лены] П[етровны]⁶⁷. Она так зло и остроумно казнила клеветников, что они признали небезопасным возбуждать гнев этой «русской американки». Аристарх-бей, тогдашний турецкий консул в Вашингтоне, руководствуясь корреспонденциями из Турции, страдающими как географическими, так и численными промахами, напечатал резкое обвинение против русских за их якобы жестокости, учиняемые в Малой Азии. Е[лена] П[етровна], пользуясь этими промахами, отщелкала консула в газ[ете] «Sun» настолько, что он признал за нужное явиться к ней лично и, ссылаясь на недоразумение, отказался от всего им написанного. Этот эпизод произвел сильное впечатление в Нью-Йорке.

Были у нее также выдающиеся препирательства с папским нунцием за ее статьи против католического духовенства и особенно против папы в то время, когда он служил «те деумы»⁶⁸ за процветание Турции и успех турецкого оружия⁶⁹.

Как некогда в Лондоне она одна отстаивала честь России в толпе англичан, так и теперь она безбоязненно говорила, писала и клеймила врагов наших. В пылу негодования и патриотических чувств своих она забыла экспатриацию, свое американское гражданство и свои теософские интересы и лишь задалась одною целью: высоко и твердо держать свое русское знамя!.. Голос ее замер и потонул в общем хаосе чувств, интересов и волнений того времени, почти не достигнув до России; но тем не менее те русские, кому ее действия известны, не могут не воздать ей должной дани справедливости и уважения. Она делала все, что могла, не одним словом, но и делом. В то время страницы более солидных русских изданий не были еще ей открыты; она постоянно писала в газ[ете] «Тифлисский вестник»⁷⁰ и весь гонорар, полученный ею из редакции, был пожертвован на тифлиские бараки для раненых.

В 1878 г. все главные представители общества теософов в Америке – президент его, полковник Генри Олькот, и другие, а в числе их и г-жа Блаватская, в качестве секретаря-корреспондента, переселились из Нью-Йорка в Индию, в Бомбэй. Они были вызваны туда главными двигателями всего братства «Ария Сомой», природными буддистами, учеными пандитами индусов, которые приняли их с такою радостью и почетом, что в первое время вызвали даже опасения полиции. Английские власти испугались, нет ли у них политических целей... Но вскоре они удостоверились в противном; убедились, что все цели «Теософического Общества» стремятся лишь к просвещению и к возможному облегчению жизненных зол собственно в Индии посредством утверждения и распространения чистого, вполне нравственного учения древних «Вед». Вот уж более 30 л[ет] как буддизм, так сказать, возродился к новой жизни усилиями нескольких индийских ученых, в особенности некоего *свами* (святого) по имени Дия-Нанд Саразвати⁷¹. Благодаря своему знанию древних и новых языков, глубокому изучению Вед и вообще

⁶⁴ Первая часть книги Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на Родину» была опубликована на страницах газеты «Московские ведомости» (1879–1883) и журнала «Русский вестник» (1883, №1–7) и издана отдельным изданием в Москве в 1883 г., вторая часть – в «Русском вестнике» (1885, №11; 1886, №2, 3, 8).

⁶⁵ «Оккультный мир» (англ.).

⁶⁶ См.: Ребус, 1883, №48, 11 декабря.

⁶⁷ См.: *Блаватская Е.П. Турецкие зверства // The World* (Нью-Йорк), 1877, 13 августа (см. также: Е.П.Блаватская и русско-турецкая война 1877–1878 г. // <http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html>).

⁶⁸ «Те деум» («Te Deum», от лат. текста «Te Deum laudamus» – «Хвала тебе, Боже») – католический гимн.

⁶⁹ В речи папы римского Пия IX (1792–1878) на приеме савойских пилигримов (30 апреля 1877 г.) Россия была названа «еретическою великою державой», над которой «тяготеет рука правосудного Бога». Газета «Новое время» писала: «Услышав о неудачах, постигших русское оружие под Плевной и Карсом, папа, как сообщает римский корреспондент “Gazeta Narodova”, сказал “Я прихожу в настоящий восторг всякий раз, как слышу, что русские были разбиты, и надеюсь, что, с помощью Божию, они будут вконец побеждены. Я молю Всевышнего, чтобы это осуществилось”» (Новое время, 1877, №535, 25 августа).

⁷⁰ В 1878 г. в «Тифлисском вестнике» и одесской газете «Правда» были опубликованы серии статей Е.П.Блаватской.

⁷¹ Даянанда Сарасвати.

многосторонней эрудиции, этот замечательный человек не убоился входить в словесные и печатные препирательства с европейскими докторами различных отраслей наук и выходить победителем из ученых диспутов. В особенности досталось от него материалистическим теориям Гексли.

Буддисты веруют в божественное начало – в Троицу самого естества человеческого: в дух вечный, в душу полу-бессмертную (которая делается вечной только в случае нравственной чистоты человека, соединяясь с его божественным духом, витающим над головой каждого смертного еще при жизни его), иначе говоря, в астральное, духовное его тело и тело смертное. Главные задачи «Теософического Общества» совсем не исключительное распространение буддизма, как утверждают некоторые, – у него есть свои, более сильные проповедники. Задачи общества: строгое изыскание истины и справедливости во всем – в жизни, в науке, в необъясненных еще явлениях природы. При этом, разумеется, они помогают ревностно усилиям своих членов-буддистов в распространении и поддержке их веры – старейшей в Индии, вполне признавая чистоту ее нравственных основ и несомненную трудность борьбы с ней в Индии даже христианских истин, вследствие ненависти, которую сумели английские миссионеры внушить туземному населению. Ради успеха своих гуманных, цивилизующих целей теософы не могли сделать другого выбора. Терпимостью их и заботами о благосостоянии, о просвещении бедного населения Индии и объясняются успехи общества, доверие и любовь, которую оно успело внушить населению. Первые заботы каждой ветви теософического общества, где бы оно ни открывалось, – помощь неимущей братии, больницы, библиотеки и школы. В их школы принимаются дети без различия вероисповеданий. Вообще терпимость в деле совести, в религии и политических убеждениях – главнейшее правило общества. Оно именно потому и может рассчитывать на повсеместный успех, что задачи его вполне нравственны; что оно стремится к объединению человечества, к равенству народов и благосостоянию их силой просвещения и общего благожелания, не вторгаясь нисколько в индивидуальные убеждения, в совесть и верование каждого члена своего, вполне предоставляя всякому нравственную свободу, уважая неприкосновенность чужих убеждений и не касаясь их. В последнее время основатели теософического общества, полковник[ик] Олькотт и г-жа Блаватская, из-за вопросов религиозной терпимости разошлись даже с первоначальным патроном своим, индийским мудрецом Дия-Нанд[ом] Саразвати. Они обвиняют его в недобросовестных действиях против братьев-теозофов-небуддистов и, не колеблясь, отступили от него, – что еще больше доказывает их силу и влияние. Их прошлогоднее путешествие на Цейлон⁷², в эту колыбель буддизма, где в течение тысячелетий жрецы охраняют свою заповедную святыню – рукописи «Вед» и зуб самого Будды⁷³, – это путешествие, похожее на шествие триумфаторов и чуть ли не полубогов, уже достаточно показывает их популярность.

Не так давно еще газета «Кавказ» (со слов какой-то немецкой газеты) назвала г-жу Блаватскую «великой жрицей общества теозофов»⁷⁴, а «Одесский листок» заявлял, что она издает «в Лондоне (?) „санскритский журнал“»⁷⁵. Мы привыкли к такого рода неверным о ней известиям и пользуемся настоящим случаем, чтобы заметить, что хотя Е.П.Блаватская и может быть совершенно основательно названа не жрицей, а основательницей этого общества, но она довольствуется, официально, лишь званием в нем секретаря-корреспондента. Кроме того, она, действительно, издает журнал «The Theosophist», только не в Лондоне, а в Адиаре⁷⁶, возле Мадраса, куда главные представители общества переселились в прошлом году из Бомбэ ради климатических условий.

⁷² Е.П.Блаватская находилась на Цейлоне с 16 мая по 13 июля 1880 г.

⁷³ О посещении храма Зуба Будды (Шри Далада Малигава, Sri Dalada Maligawa) в городе Канди на Цейлоне писал Г.Олькотт в «Листах старого дневника» (см.: *Olcott H.S. Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1878–1883.* – London: The Theosophical Publishing Society; Madras: Theosophist Office, 1900. P. 179–180, 182–183, 184, 186–187).

⁷⁴ Газета «Кавказ» 17 сентября 1882 г. (№245) напечатала клеветническую заметку, в которой, якобы со слов немецкой газеты «Allgemeine Zeitung», без всяких на то оснований Е.П.Блаватская была названа «великой жрицей теозофизма» и было сообщено, что она и Г.Олькотт, «отрекшись совершенно от христианства, имеют целью обратить индусов в буддизм, считая буддизм самую совершенную религию, религию будущности».

⁷⁵ В газете «Одесский листок» от 3 сентября (№193) 1883 г., в разделе «Искусство и литература», была дана неверная информация об Е.П.Блаватской. На эту заметку в №200 «Одесского листка» от 13 сентября 1883 г., в разделе «Письма в редакцию», последовал ответ в защиту Е.П.Блаватской неизвестного автора, скрывшегося под инициалами Ф.Т.с. (Fellow Theosophical society, член Теософского общества). Скорее всего, псевдонимом Ф.Т.с. подписалась Н.А.Фадеева, которая проживала в Одессе и к тому времени была членом-корреспондентом Теософского общества, см. письмо Г.С.Олькотта Н.А.Фадеевой от 25.01.1877 (Старина и новизна. Книга девятая. СПб., 1905. С. 373–374; см. также: *Блаватская Е.П. Письма в русской прессе.* Донецк, 2013. С. 443).

⁷⁶ Адьяр (англ. Adyar).

Число членов Теософического общества простирается уже до 50-ти тысяч. Органом ему служит журнал «Теософист», о направлении которого, а равно и о задачах теософов, французский ученый и президент Психологического Общества в Париже Ш.Фовети⁷⁷ в статье своей «[La] science et [de la] Théosophie»⁷⁸ говорит:

«Стремление их (теософов) соединить Европу с Азией умственными узами, имеет великий гуманитарный смысл... Наша западная современная цивилизация, несомненно, подвижная и прогрессивная, тогда как цивилизация восточная, свято храня традиции древности, застыла в социальных и религиозных формах давно прошедшего. Первая обнимает Европу и Америку со всем земным шаром; вторая же, заключенная в своих древнейших очагах – Индии и Китае, простирается на большую часть Азии и представляется почти половинным населением мира. Поставить две эти цивилизации в умственные сношения, привести их в движение наукой, философией, успехом просвещения и религиозного идеала – такова мысль, такова цель предприятия, инициативу которого приняла на себя г-жа Блаватская. И так, женщина составила и взяла на себя исполнение великого проекта будущего слияния всех членов человеческой семьи и осуществление ее духовного союза!..»

В конце статьи г. Фовети сообщает некоторые подробности из жизни Е[лены] П[етровны]; дает понятие о ее научных знаниях, о достоинствах ее книги «Isis Unveiled», которую характеризует так: «Замечательное сочинение это имеет высокое философское значение и выказывает глубокие, изумительные познания...» Затем, описывая деятельность г-жи Блаватской, он вспоминает исторический факт, относящийся к 1831 году, и так как Е[лена] П[етровна] родилась в этом же году, то автор останавливается на совпадении этих событий. Вот что он говорит по этому поводу:

«Нужна была особа, столь одаренная, как г-жа Блаватская, чтобы быть на высоте подобного предприятия... Это мне напоминает, что сен-симонисты с 1831 года возвещали миру появление с Востока женщины, которая соединит оба общества, восточное и западное, и будет *матерью перерожденного общества*. Обманутые своей мечтою, некоторые из них даже отправились на Восток на поиски *этой женщины*... Они напрасно объехали Египет, Сирию и азиатскую Турцию, не встретив ничего подобного... Они выехали слишком рано, – говорит с полным убеждением г. Фовети, – если б они отправились 50 лет спустя и проехали бы дальше, то нашли бы в г-же Блаватской русскую женщину, исполняющую великое дело духовного слияния, о котором они мечтали...»

Этим отзывом французского ученого мы и закончим нашу правдивую речь о Е.П.Блаватской.

⁷⁷ Фовети Шарль (1813–1894) – французский философ, президент Научного общества психологических исследований в Париже.

⁷⁸ «Bulletin Mensuel de la société scientifique d'études Psychologiques», 15 mars 1883 <«Ежемесячный бюллетень Научного общества психологических исследований», 15 марта 1883, фр.>. – Примечание В.П.Желиховской.

«Наука и теософия» (фр.).